

Литературная жизнь сюжета

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2025-1-5-18

«Сентиментальные сюжеты» в женских травелогах первой половины XIX века

Наталья Владимировна Константинова

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

scribe2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7329-9977>

Аннотация

На материале разных форм женского травелога – путевого дневника, писем и путевых очерков – исследуется процесс беллетризации документального материала, выявляется специфика организации повествовательной структуры, описания способов выражения авторской индивидуальности путешественницы с помощью изучения вариантов авторской модификации «сентиментальных сюжетов». Объектом исследования становятся наиболее показательные и малоизученные тексты женских документальных травелогов первой половины XIX в. – «Дневник Екатерины Свербеевой за 1833 год», анонимный травелог «Отрывки из писем одной дамы, о Ревеле», опубликованный в двух номерах журнала «Сын Отечества» за 1828 г., и «Очерки Южной Франции и Ниццы. Из дорожных записок 1840 и 1842 годов» М. Жуковой. В результате анализа текстов путешественниц делаются выводы о том, что «сентиментальные сюжеты» в женских травелогах первой половины XIX в. выполняют различные функции. С одной стороны, беллетризация, а именно ориентация на «сентиментальный канон» травелога, позволяет путешественнице сосредоточиться на описании «жизни души», на самопрезентации, соотнести свое состояние, впечатление с шаблонным восприятием мира «чувствительной героиней» сентиментальных историй. В качестве доминантного образа выделяется всегда девушка / женщина с трагической судьбой (как вариант сюжетной ситуации «соблазненная и покинутая»), которая вызывает сочувствие, позволяет оценить положение женщин в обществе, порассуждать о «женском вопросе», философски оценить женскую судьбу в целом. С другой стороны, различные модификации «сентиментальных сюжетов» как устойчивого компонента «сентиментального канона» травелога отражают специфику авторской установки в повествовательной структуре текста путешественницы. В более ранних текстах чаще встречаются попытки провести аналогию с собственной судьбой, увидеть себя героиней сентиментального сюжета или описать свою жизнь по традиционной «чувствительной схеме». В период 1840–1850-х гг. травелог демонстрирует иронию и самоиронию путешественницы, желание намеренно дистанцироваться от шаблона, оценить свою индивидуальность, понять несостоятельность канона в новой парадигме восприятия действительности.

Ключевые слова

© Константинова Н. В., 2025

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2025. № 1. С. 5–18
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 1, pp. 5–18

Литературная жизнь сюжета

сентиментальный сюжет, женский тревелог, беллетризация, путевой дневник, авторская установка, литературный канон

Для цитирования

Константинова Н. В. «Сентиментальные сюжеты» в женских тревелогах первой половины XIX века // Сюжетология и сюжетография. 2025. № 1. С. 5–18. DOI 10.25205/2713-3133-2025-1-5-18

“Sentimental Plots” in Women’s Travelogues of the First Half of the 19th Century

Natalia V. Konstantinova

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

scribe2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7329-9977>

Abstract

This article examines the process of fictionalization of documentary material in various forms of women’s travelogue (travel diaries, letters and travel essays). The study of individual modifications of “sentimental plots” reveals the specifics of the narrative structure and the ways of expressing the author’s personality. We explored three representative but little-studied women’s documentary travelogues of the first half of the 19th century: “Ekaterina Sverbeeva’s Diary for 1833”, an anonymous travelogue “Excerpts from letters of a lady about Revel”, published in two issues of the magazine “Son of the Fatherland” in 1828, and “Essays on Southern France and Nice. From the travel notes of 1840 and 1842” by M. Zhukova. The results obtained show that the “sentimental plots” in women’s travelogues of the first half of the 19th century perform various functions. On the one hand, fictionalization, namely orientation to the “sentimental canon” of travelogue, lets the female traveler focus on describing the “life of the soul”, on self-presentation. It allows correlating her condition and impression with the stereotypical worldview of a “sensitive heroine” in sentimental stories. The central image is always a female with a tragic fate (as a variant of the plot situation “seduced and abandoned”), which causes sympathy, depicts the position of women in society, induces speculation on the “women’s issue” and induces philosophical evaluation of the fate of women in general. On the other hand, various modifications of the “sentimental plots” reflect the specifics of the author’s position in the narrative structure of the traveler’s text. In earlier texts, attempts to draw an analogy with one’s own fate, to see oneself as the heroine of a sentimental plot, or to describe one’s life according to a traditional “sensitive scheme” are more common. In the period of the 1840s and 1850s, the travelogue demonstrates the irony and self-irony of the traveler, the desire to deliberately distance herself from the template, evaluate her individuality, and understand the inconsistency of the canon in a new cultural paradigm.

Keywords

sentimental plot, women’s travelogue, fiction, travel diary, author’s attitude, literary canon

For citation

Konstantinova N. V. “Sentimental Plots” in Women’s Travelogues of the First Half of the 19th Century. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2025, no. 1, pp. 5–18. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2025-1-5-18

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2025. № 1

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 1

В современном литературоведении всё чаще появляются исследования, в которых наблюдается интерес к интерпретации женского письма. В качестве фундаментальных работ можно назвать коллективное исследование «Русская литература XIX века в гендерном измерении» [2004] и монографии И. Л. Савкиной [1998; 2007], в одной из которых объектом исследования становятся и эго-тексты с точки зрения особенностей выражения женского сознания [Савкина, 2007]. Травелог же путешественниц, как правило, исследуются в контексте так называемой «женской литературы», что отмечали критики еще в 30–40-е гг. XIX в. [Белецкий, 1923, с. 141].

В настоящей статье женские травелоги изучаются в повествовательном аспекте, основные задачи состоят в выявлении специфики организации повествовательной структуры травелога, в описании способов выражения авторской индивидуальности путешественницы с помощью выделения приемов беллетризации, изучения вариантов авторской модификации «сентиментальных сюжетов».

Следует отметить, что наиболее очевидно связь с сентиментальной традицией проявляется в травелогах путешественниц начала XIX в., а именно в дневниках и письмах.

Анализ путевого дневника представляется продуктивным, в частности, в связи с прямым выражением авторского отношения к событию рассказывания, рефлексии, касающейся выбора ракурса самоописания. Исследователи придерживаются разных мнений о том, насколько выбор жанра определяется спецификой авторской установки. М. Ю. Попова, например, отмечает, что использование автодокументальных жанров «говорит, скорее, не об отличиях жанровых предпочтений писателей-женщин от писателей-мужчин, но, наоборот, о включенности их творчества в общелитературный (в том числе жанровый и стилевой) контекст» [Попова, 2020, с. 26]. По мнению О. В. Пензиной, «сопротивление мужскому наставничеству, учительству, которое нередко приводит к нивелированию творческой индивидуальности и подспудно свидетельствует о желании подчинить себе “слабое” женское перо (что и произошло в случае с Е. А. Ган и О. И. Сенковским), <...> подтверждает факт становления женского письма» [Пензина, 2009, с. 55]. В отдельных случаях отмечается, что тенденция активно выражать свою индивидуальность становится характерной чертой писательниц ближе к середине XIX в., что «проявлялось в отказе от мужских псевдонимов, в пристрастии к жанру повести-дневника, повести, состоящей из писем, к повествованию от первого лица с концентрацией внимания на внутреннем мире героини» [Михайлова, 2011, с. 126–127]. Следование определенному чувствительному «коду» эпохи, «карамзинскому канону» в жанре травелога выделялось в путевых дневниках начала XIX в., отмечалось, что «самовыражение» формировалось на фоне восприятия «чужого». Впервые в работе А. П. Гречаной формы и средства представления авторской точки зрения в женских путевых дневниках исследуются на широком биографическом фоне, увязываются с литературным контекстом эпохи, в частности с жанровыми «литературными шаблонами» травелога [Гречаная, 2005]. Выделение травелогов в контексте изучения личных женских дневников наблюдается в западной научной традиции. Так, по мнению Р. Калабрезе, путевой дневник выражает авторскую индивидуальность, так как «вместо синтеза автобиографии здесь предлагается анализ» [Calabrese, 1988, S. 13].

Характеризуя в целом традицию ведения путевого дневника, Е. Гречаная и К. Вьолле делают важные выводы, о том, что именно в женских путевых дневниках личность автора «создается» как при опоре на чувствительные, позднее романтические стереотипы, так и в результате иронического, шуточного дистанцирования от заданных моделей [Вьолле, Гречаная, 2006, с. 110].

Очевидная ориентация на сентиментальные сюжеты была обнаружена в «Дневнике Екатерины Свербеевой за 1833 год», который был опубликован только в 1999 г.¹ и не являлся ранее² предметом научного исследования. Дневник Е. А. Свербеевой имеет в своей основе реальное путешествие – поездку из Москвы в Санкт-Петербург, затем в Германию и Швейцарию в 1833 г. Маршрут путешествия в Европу, как и статус путешественницы (дворянка, замужняя дама, путешественница с мужем и 3-летним сыном), вполне типичен.

«Чувствительность» путешественницы выражается не только в отборе предметов, достойных внимания, но и в способе их описания. Фактически весь событийный ряд, представленный в дневнике, так или иначе формируется в рамках сентиментальных историй о женской судьбе, как правило, о несчастной, что соответствует литературному шаблону «бедной героини».

Истории попутчиков, нередкие в травелоге, воспроизводят редуцированные вставные истории (о несчастной любви, разлученных влюбленных и т. п.), другими словами, «общие места» сентименталистской традиции. Центральный образ таких историй – женский, с его помощью создается чувствительный, полный патетических восклицаний рассказ о несчастной судьбе, в котором женщина выполняет роль героини, вполне достойной пера писателя:

Во время прогулки нам рассказали о несчастной английской даме, она нуждается, ей угрожает тюрьма, она уже долго живет в ужасном положении, женщина из хорошей семьи, всеми покинутая и без средств, она вынуждена рассчитывать на помощь множества совершенно посторонних ей людей. Какое мужество! Какая судьба! Какие испытания! (Свербеева, 1999, с. 25).

Несмотря на краткость повествования (перечисляются только ключевые события из истории непременно трагической женской судьбы), точка зрения путешественницы ясно проявляется в выборе подробностей жизни героини и в эмоциональных резюмирующих оценках и суждениях.

¹ Дневниковые записи Е. А. Свербеевой были написаны по-французски (как и большинство дневников дворянок этого периода), а затем скопированы для кого-то. Найдены они были в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в россыпи бумаг, принадлежащих родовому архиву Тургеневых. Благодаря деятельности Н. Б. Востоковой и С. Р. Долговой, они были описаны и впоследствии опубликованы. Кроме того, С. Р. Долгова в комментарии к публикации дневника отмечает, что «публикуемый ниже дневник Е. А. Свербеевой был скопирован для А. И. Тургенева и хранился до настоящего времени непрочитанным в его личном архиве. Назовем его “Дневник Е. А. Свербеевой за 1833 год”». Цит. по: Долгова С. Р. Дневник Екатерины Свербеевой за 1833 год. М.: Мануфактура, 1999. С. 11. «Дневник» публикуется в этом издании по рукописи // РГАДА. Ф. 1463. Тургеневы. Д. 143.

² О дневнике Свербеевой косвенно упоминает только Т. В. Медведева в исследовании о записках Д. Н. Свербеева. См.: [Медведева, 2015, с. 37].

«Жизнь души» как внутренний, «сентиментальный сюжет» дневника эксплицируется не только в описании личных переживаний. Важно обратить внимание на смещение фокуса рассказа с личных переживаний на «чужие». Речь идет о конкретных реальных историях или литературных сюжетах о женских страданиях, сопровождаемых философскими размышлениям общего характера о женской судьбе в целом. Во многом за счет подобного «косвенного» высказывания о себе происходит усложнение взаимодействия разных точек зрения. Таким способом рассказчица пытается найти подтверждение своей личной точки зрения в чужих повествованиях о жизни. Так, многочисленные упоминания о собственных страданиях, связанных со слабым здоровьем, коррелируют с описанием состояния ее близких подруг или новых знакомых:

Я обедала у графини Полье. Мы остались наедине. Это такая чувствительная женщина, погубленная потерей, своей бесцветной жизнью, слабым здоровьем. Она страдает и ничего не делает для излечения. Прожить несколько дней меньше, но не думая о мелочах, это не такое уж наказание, чем мучиться, стараясь прожить на несколько мгновений больше отпущенного судьбою срока <...> Известие о смерти графини Скарятинской меня очень огорчило, его нам передал Киреевский. Она должна была жить, эта женщина, такая благородная, такая счастливая, – нет, счастье не для этой жизни. Уверенность в этом еще более окрепла во мне (Свербеева, 1999, с. 29–30).

Рассказ о путешествии постепенно превращается в аналог психологической прозы о драматической судьбе женщины. В путевом дневнике формируется тип «путешественницы с книгой в руках», с книгой о «сентиментальных сюжетах».

Надо отметить, что рассказчица не просто подражает другим авторам и их героиням. Она часто выступает в роли знатока и критика популярных литературных произведений:

После прогулки я читала «Инес», роман подруги госпожи Ермоловой, о прекрасных чувствах. Любовь Инес развивается в борьбе: отец вынуждает ее идти в монастырь, она теряет мать и в ней снисходительную подругу, она бежит из монастыря, чтобы вновь обрести человека, которого любит, но кораблекрушение, словно рок, не дает осуществиться ее душевному желанию; она теряет того, с кем думала соединиться. Эпизод этот дан удачно (Свербеева, 1999, с. 30).

В романе «о прекрасных чувствах» выделяется тип «чувствительной героини» с несчастной женской судьбой. Подобный тип постоянно отмечается рассказчицей, оценивается и то, как автор изображает ее судьбу, душевные страдания. Чаще всего выбираются следующие варианты характеристик: удачно, точно, ярко и т. д. Подобные оценки сначала не раскрывают в полной мере личного отношения путешественницы к женским историям. Но в конце дневника появляется другой вариант описания литературного сюжета о несчастной девушке и ее чувствах:

Утром мы были в Мариенвеке вместе с Марией, читали «Леди Эжени Фоа». Справедливые мысли, стиль беседы, начало и конец меня устраивали. Берта, эта девушка, прекрасная своей природой, предназначенная мужчине, который должен быть ее мужем, избегает его, т. е. чувствует, что не будет им любима. Равнодушие мужа ее убивает. Она говорит, что ирония в том, что нельзя заглянуть в будущее и узнать сущность человека, не хватая взаимности, излиятий чувств, что убивает любовь, и она страдает от сознания этого отсутствия связей между ней и тем, кто должен быть ее жизнью (Свербеева, 1999, с. 31).

Рассказчица ясно выражает личную сопричастность описываемым событиям – (мысли) «меня устраивали», т. е. «мне были знакомы / узнаваемы мною». Кроме того, позиция автора, его взгляд оцениваются как верный – «справедливые мысли», т. е. реальные, правдоподобные. Впервые в дневнике появляется новый sentimentalный сюжет – история о замужней женщине с несчастной судьбой, страдающей от равнодушия мужа. И способ пересказа sentimentalного сюжета, и описание собственной реакции на финал истории обнаруживают не только читательский интерес путешественницы, но и личный. Путевой дневник постепенно меняет свою функцию и превращается в личный дневник. Кроме того, в тексте о личном путешествии обнаруживается и обращенность к читателю, который эксплицитно не обозначается в тексте дневника, но ориентация на чужую точку зрения постоянно присутствует. В комментариях С. Р. Долговой к публикации дневника Свербеевой указывается условный адресат путевых записок – А. И. Тургенев³.

Таким образом, путевой дневник Е. А. Свербеевой отличается сосредоточенностью путешественницы на способах самовыражения и самоанализа с помощью беллетризации, ориентации на sentimentalные сюжеты. Зависимость от sentimentalизма проявляется в целом и в передаче впечатлений от путешествия: сосредоточенность на выражении «жизни души», повышенная эмоциональность, использование вставных историй о несчастной женской судьбе (литературных и реальных), анализ sentimentalных литературных произведений о перипетиях в жизни женщин, философские размышления о женской судьбе в проекции на собственную.

Показательным примером ориентации путешественницы на sentimentalные сюжеты могут послужить и «Отрывки из писем одной дамы, о Ревеле», опубликованные в двух номерах журнала «Сын Отечества» за 1828 г.

Переведенные для публикации на русский язык, путевые письма из-за границы рассказывают о пребывании некой дамы со своим мужем в Ревеле. Они адресованы подруге и отличаются предельной откровенностью. На эту особенность сразу указывает переводчик в комментариях, разъясняя в том числе и причину публикации фрагментов писем:

Сочинительница была в Ревеле в 1826 году. Не столько ее, впрочем, очень живые описания сего города, не столько занимательность рассказов ее и свежесть переданных происшествий побудили к переводу сих отрывков, как искренность, которой дамы редко подают столь разительные примеры. В сем последнем отношении переводчик обязан удостоверить читателей, что он старался перелгать верно, и не только не усилил выражений, но скорее ослабил их кое-где, по чувству приличия и по журнальной торопливости (Отрывки из писем, 1828, № 19, с. 191).

Письма путешественницы, с одной стороны, содержат очень подробные документальные описания чужого пространства, достопримечательностей, нравов, традиций местных жителей, с другой стороны, представляют собой очень эмоциональное «чувствительное» повествование в духе sentimentalных повестей о любовных приключениях. Стилистическая неоднородность писем создает эффект повествовательной полифонии, благодаря которой выражается смена точек

³ На этот факт указывает и информация о том, что дневниковые записи Е. А. Свербеевой были найдены в РГАДА в бумагах, принадлежащих родовому архиву Тургеневых.

зрения автора как биографического лица – писателя, сочинителя истории о путешествии, и героя-рассказчика, переживающего события, узнаваемые по литературным сюжетным ситуациям. Таким образом, дама, описывающая свое пребывание в Ревеле, одновременно исполняет две роли – путешественницы и героини любовных сентиментальных историй. Одна и та же литературная сюжетная ситуация – «соблазненная и покинутая» – воплощается на примере разных героинь и варьируется в каждой истории по-своему.

Начинается повествование с описания гуляний на Иванов день. Для характеристики события дама прибегает к тексту другого автора-путешественника, известного в то время создателя чувствительных историй. Обращаясь к подруге, она пишет:

Я напомним тебе характеристическое описание этой ярманки, которое сделал Коцебу в своей Леонтине (Отрывки из писем, 1828, № 19, с. 194).

Отсылка к «Леонтине» задает ракурс взаимоотношения мужчин и женщин на этом гулянии, акцентирует внимание на любовных перипетиях, в которые дама-путешественница до определенного момента не включена:

С 20 июня по 30, в Ревеле теснится все дворянство на одном кладбище. Под прекрасными древними липами поставлено множество лавок. Олицетворенная суетность рассказывает там по мертвецам, не вникая громким предостережениям немых, лежащих под ногами ее. С утра до позднего вечера улица непроходима от экипажей, из которых беспрестанно выгружают разряженных красавиц. На самом кладбище с трудом возможно передвигаться. Иные приходят для покупок, другие людей посмотреть, себя показать. Мужчины большею частью стоят на месте и смотрят на женщин. Старушки сидят и пересуживают проходящих. Тут есть и такие товары, каких не найдешь ни в какой лавке! Всего деятельнее меновой торговлей! (Отрывки из писем, 1828, № 19, с. 195).

Однако впоследствии на фоне детального описания высокой башни, местной достопримечательности, куда она поднимается с мужем, неожиданный для нее «странный» случай переключает всё повествование в сентиментальный регистр новеллистической интриги. Возможность любовных отношений, как и «случай», строится на эффекте неожиданности:

Скоро и нетерпеливо следовала я за проводником, и вдруг, поворотив за один столб, поскользнулась на покато́й крыше на таком месте, где перила были изломаны; я не могла удержаться и в испуге уже считала себя погибшей, но какая-то сильная рука подхватила меня и почти бесчувственную оттащила назад. Тихо вымолвила я имя своего мужа; мне отвечал незнакомый льстивый голос – не его. Изумясь, взглядываю и вижу себя в объятиях незнакомца, которого прекрасные черные глаза смотрят на меня с искренним участием (Отрывки из писем, 1828, № 19, с. 197–198).

Приключение дамы на башне в дальнейшем повествовании о путешествии описывается уже через соотношение с литературными образами и сюжетами. Более того, реальность полностью уподобляется литературе и даже вытесняется ею. Незнакомец превращается в рыцаря, она же в этот день отказывается «смотреть Дон-Жуана». В таком сопоставлении угадывается будущее истинное «амплуа» незнакомца, о котором дама еще не догадывается, называя его своим «башенным рыцарем». Ослепленная достоинствами нового знакомого, дама рассуждает о не-

возможности писать, поскольку оказывается не в состоянии выразить на письме все чувства и переживания:

Какими восхитительными часами я наслаждалась, милая Бетти! Ты позавидуешь мне, когда услышишь – или нет, не можешь позавидовать, потому что не поймешь меня и потому что я не в состоянии всего описать так, как было. Писать? Ставить слова, буквы, и при том вот глупое, медлительное перо – и при том ты должна читать, только читать, что я слышала, видела, чувствовала (Отрывки из писем, 1828, № 19, с. 208).

«Чувствительность» путешественницы как рассказчицы выражается в обилии сентиментальных литературных штампов. Кроме того, и в описании объектов реальности меняется точка зрения: теперь все истории имеют сугубо сентиментальный характер, становятся фактически выражением внутреннего состояния дамы. Даже описания пространства превращаются в экзистенциальные размышления о бренности бытия элегического характера: вид Эстонского кладбища «настраивал умы наши к печальным размышлениям о настоящем», каждый «радовался втайне своей свободе» (Отрывки из писем, 1828, № 19, с. 223).

При описании монастыря Св. Бригитты рассказчица использует показательную вставную историю. Предание, повествует о несчастной любви жестоко разлученных влюбленных, вмешательстве рока в женскую судьбу. Однако в предании неожиданно возникает счастливый финал. От злой участи героиню спасает другая несправедливо гонимая страдальца. В результате влюбленные воссоединяются. Народное предание, иллюстрирующее достопримечательности ревельского монастыря, в то же время становится аллегорической историей о собственной судьбе путешественницы.

Публикация же во втором номере журнала существенно отличается. Она начинается с описания прозрения героини от любовного наваждения:

Я исцелилась и навеки. В каком я была ослеплении! ... Теперь я очнулась, теперь здраво смотрю вокруг себя (Отрывки из писем, 1828, № 20, с. 281).

Сообщение о прозрении сопровождается подробным описанием еще одной вставной истории о несчастной Эмилии, которая вдруг (вновь эффект неожиданности) появляется в судьбе дамы, отстраняет ее физически от барона А. и объясняет причины такого поступка. История Эмилии представляет собой вариацию сюжетной ситуации «соблазненная и покинутая»: юная девушка во время Отечественной войны 1812 г. теряет свою семью, обретает защиту в лице благородного юноши Вольдемара, становится его невестой, провожает на фронт, смиренно дожидается его возвращения, затем случайно встречает барона А., попадает под его обаяние, отдает жениха и узнает, что барон женат, кроме того, он виновен в загадочном самоубийстве ее брата, она заболевает, впоследствии влечет жалкое одинокое существование и, случайно встретив его в Ревеле с дамой, решает ее спасти от опрометчивого поступка, открыв правду об истинной сущности барона А. Таким образом, судьбы двух героинь соединяются в повествовании, даже встреча с бароном у Эмилии происходит тоже в Иванов день. В письме к подруге дама описывает этот случай лишь как счастливое совпадение:

Эмилия, получившая столь жестокую опытность, знала опасность сближения с ним; она видела, что я беззаботно и простодушно вдаюсь в западню; она услышала его прощальные ко мне слова и решила спасти меня.

Ах! Мне улыбается еще приятная жизнь с достойным почтением и почитаемым мною моим мужем, а между тем та несчастная, безнадежно взирающая на цветы жизни, влачит унылые дни посреди оставшегося ей терния и потерю своего душевного спокойствия должна была искупить мое спасение от гибели! (Отрывки из писем, 1828, № 20, с. 315, 216).

Ситуация с Эмилией и финал истории любовных приключений в Ревеле дамы и барона А. представляют две проекции одного и того же литературного сюжета. Шаблонный вариант – несчастная судьба – реализуется в истории Эмили, неожиданный – счастливый финал – в травелог дамы. Однако история из предания о воссоединении возлюбленных благодаря помощи праведной девы всё же превращает и сюжетную ситуацию с дамой в беллетристический вариант повествования о женской судьбе. Об этом свидетельствует и финальная часть писем путешественницы: перед воссоединением с мужем она встречает церковную процессию, которая наводит ее на определенного рода размышления (символически отсылая к истории в предании о Святой Бригитте):

Внутренний голос строго воззвал ко мне: как легкомысленно проводишь ты жизнь свою, не помышляя о вечности, которая тебя ожидает! Действуй для нее, а не для кратковременного сна земного пребывания (Отрывки из писем, 1828, № 20, с. 316).

Таким образом, анонимный травелог путешественницы о пребывании в Ревеле представляет собой интересный случай совмещения эпистолярной и новеллистической форм. Он строится на соединении разных повествовательных инстанций: «документальной» (реальная поездка) и фикциональной (выдуманная история). Беллетризованные любовные приключения, описанные в сентименталистском вкусе, тем не менее позволяют рассказчице создать собственный «возможный сюжет», облагородивший ее любовные похождения.

Стоит отметить, что в 1840–1850 гг. образ «чувствительной путешественницы» существенно меняется, что отражается и на структуре повествования. Примером может служить самоирония «чувствительной путешественницы» в травелог М. С. Жуковой «Очерки Южной Франции и Ниццы» (1844), которая проявляется в том числе в синтезе элементов разных литературных традиций.

Творчество М. С. Жуковой неоднократно привлекало внимание исследователей, в том числе и ее «Очерки Южной Франции и Ниццы», при этом отмечалось сохранение в травелог традиции «чувствительного путешествия» [Проценко, 1984; Воробьева, 2006]. Выделяется, как правило, сосредоточенность писательницы на изображении любовных сюжетов, описывающих коллизии женской судьбы.

Цикл путевых очерков, изданный в 1844 г., является последним циклом М. С. Жуковой и представляет собой текст, созданный на основе поездки в Европу. На первый взгляд и маршрут (по европейским городам), и способ описания увиденного мира (через призму внутреннего мира путешественницы, ее чувств и впечатлений), и манера повествования (использование риторических восклицаний, вопросов, лирических отступлений, вставных историй, диалоговая манера, обращенность к читателю) в полной мере воспроизводят «сентиментальный канон» травелога. Однако структура повествования не является однородной, в ней обнаруживается синтез разных элементов, отсылающих одновременно и к пред-

шествующей литературной традиции, и к реалистической. В большей степени это касается размышлений путешественницы об экзистенциальных вопросах, стремления выявить универсальные представления людей о вечных проблемах бытия, типологизировать их.

В частности, связь с «натуральной школой» проявляется в комментариях путешественницы, касающихся влияния среды, места (климатических условий) на формирование представлений человека о жизни и смерти. В очерке «Ницца» противопоставляется отношение к смерти «южного» и «северного» человека, и одной из причин, влияющих на разницу в восприятии смерти, называются климатические условия существования:

В этом климате, где всё дышит жизнью и радостью, посреди этой природы, вечно живой и вечно юной, картины смерти не застаиваются в воображении. Житель юга столь богат жизнью, что *memeto mori* не дойдет до ушей его, если не раздастся в громах вулканов. Не таков житель севера. Пасмурное небо <...> мрачная неподвижность оледенелой природы <...> – всё это питает в душе мысль о кончине (Жукова, 1844, ч. 2, с. 298).

Обращают на себя внимание и «сценки с натуры», описывающие бытовые подробности путешествия, дорожные происшествия, которые служат для характеристики нравов местных жителей. Подобные фрагменты прерывают повествование, выражают точку зрения стороннего наблюдателя, фиксирующего особенности взгляда на события жизни местного жителя. Так, «почтовой каретой» немец называет то, что в восприятии русской путешественницы (ожидающей не просто «почтовую карету», а «заграничную почтовую карету») выглядит как «предлинный ящик с маленькими оконцами, с двумя дверцами и кабриолетом». Перекодировка языка описания служит для выражения несовпадения точек зрения путешественницы (возвышенной, экзальтированной) и местного жителя (натуралистичной, сниженной). На обвинение в свой адрес («Как же вы меня обманули», – сказала я; – какая это почтовая карета?») немец отвечает предельно буднично («Что же делать! <...> другого средства доехать до Кенигсберга нет» (Жукова, 1844, ч. 1, с. 15)). Прием разрушения / обмана ожиданий используется и в диалогах с читателем: путешественница комментирует возможную реакцию на описание известной местности, события с помощью конструкций «вы ожидали... нет, нет, ничего этого нет». Ожидаемый (идеализированный) пейзаж или картина реальности разрушается описанием будничной обстановки. В повествование встраиваются автокомментарии путешественницы о том, что определяло в поездке фокус ее внимания к объектам чужого мира: отмечается, например, что она не слушала «исторический рассказ», а «глаза искали уединенную башню, откуда некогда, как рассказывает мрачный поэт, слышалась песня любви и тоски» (Жукова, 1844, ч. 1, с. 16). Способ восприятия действительности чужого мира становится постоянным объектом рассуждения путешественницы, рефлексии, что выражается часто в иронии над своим – чувствительным – взглядом, не позволяющим адекватно оценить реальность.

Сочетание разнородных элементов – поэтически-возвышенных и бытовых, прозаических – характерно и для языка описания в травелогге Жуковой. Лаконичные четкие фразы соединяются с философскими размышлениями, стилизованными конструкциями, типичными для «сентиментального канона»:

Здесь всё просто, строго, даже – скупое. Здесь железная дорога только необходимость: она дарит каждому несколько часов жизни: какой подарок для блага человечества (Жукова, 1844, ч. 1, с. 39).

Часто «языковые сбои», резкие переходы от одной мысли к другой, от возвышенного абстрактного объекта к будничному предмету, бытовому явлению фиксируются самой путешественницей, характеризуются как «отступление»:

Ах! я сама это видела в провинции и, к несчастью, испытала на себе, только не в провинции. Простите за отступление; возвращаюсь к чемодану (Жукова, 1844, ч. 1, с. 41).

Обращает на себя внимание и сосредоточенность путешественницы на имитации устной формы рассказывания при описании события. И диалоговая манера взаимодействия с читателем, и выбор формы повествования свидетельствуют о стремлении автора имитировать непосредственные впечатления о событии («сиюминутные», письменно не обработанные). В очерке «Лион» выделяется фрагмент, в котором путешественница переходит к воспроизведению устного рассказа о встрече с аббатом и комментирует значимость именно такой формы описания события:

Позвольте ли рассказать, почему я так хорошо знала этот дом и аббата Перре, о котором столько жалела? Для меня это будет тем приятнее, что, желая передать вам что знаю о Лионе, я с большим удовольствием обращусь к прежним воспоминаниям, чем к запискам, писанным в продолжении этих долгих, скучных дней (Жукова, 1844, ч. 1, с. 41).

После перехода к форме устного рассказа путешественница выстраивает дальнейшее повествование о встрече с аббатом как совокупность вставных устных историй, рассказанных от лица разных героев / героинь, представляющих определенную точку зрения на сентиментальные сюжетные ситуации о женской судьбе. Фактически в повествовании соединяются сюжетные схемы, характерные для ранних литературных произведений Жуковой. Аббат рассказывает ей трагическую историю о Марии, дочери графа Гумберта, и обращается с просьбой включить ее впоследствии в путевые записки, потому что, по его мнению, «она могла бы послужить предметом какой-нибудь модной повести, особенно для того, кто видел этот очаровательный край» (Жукова, 1844, ч. 1, с. 109–111). Оливия повествует об истории благодетельной девицы Перрень, напоминающей житейный сюжет:

Вера указала ей другое счастье, другую любовь, неизменчивую, непреходящую. Девица Перрень обратила в капитал всё наследственное имение свое, купила дом в отдаленном предместьи, близ древней церкви, некогда, говорят, бывшей языческим храмом, и на остальной капитал завела больницу, которую назначила для неизлечимых (Жукова, 1844, ч. 1, с. 59–60).

Все истории о судьбе несчастных девушек / женщин, с одной стороны, ориентированы на сюжетные схемы сентиментального канона, с другой стороны, включены в реалистическую парадигму за счет использования элементов физиологического очерка. Так, начало истории заставляет читателя ждать чувствительной развязки, которая по сути представляет собой сухую констатацию фактов:

Пользуясь доверенностью жены, он наделал долгов, передал имение кредиторам и бежал с остальными капиталами. Детей взяла дальняя родственница, а несчастную привезли в Антикаль (Жукова, 1844, ч. 1, с. 68).

Все «чувствительные истории» превращаются М. С. Жуковой в реалистические картины, описывающие во всех бытовых подробностях типичные социальные проблемы европейской жизни, зависимое положение женщин, вмешательство церкви, способы улучшения жизни людей (создание больниц, рабочих домов).

Таким образом, типичная для травелога начала XIX в. история о поездке «русской чувствительной путешественницы» в Европу обретает двойную семантику за счет перекодировки языка описания. При этом стереотипные сюжетные схемы «сентиментального канона» (любовные истории о несчастной женской судьбе) иронически понижаются в статусе включением в кругозор путешественницы других точек зрения («прозаичных» местных жителей), благодаря чему разрушается субъективность повествования. Ирония распространяется и на саморефлексию путешественницы, в частности, по поводу зависимости от «чувствительных» литературных шаблонов. В этом нельзя не увидеть косвенное авторское самопризнание: литературные сюжеты о несчастной женской судьбе характерны и для раннего творчества самой писательницы.

Подводя итог, следует отметить, что «сентиментальные сюжеты» в женских травелогах первой половины XIX в. выполняют различные функции. С одной стороны, беллетризация, а именно ориентация на «сентиментальный канон» травелога позволяет путешественнице сосредоточиться на описании «жизни души», на самопрезентации, соотнести свое состояние, впечатление с шаблонным восприятием мира «чувствительной героиней» сентиментальных историй. При этом в качестве доминантного образа выделяется всегда девушка / женщина с трагической судьбой (как вариант сюжетной ситуации «соблазненная и покинутая»), которая вызывает сочувствие, позволяет оценить положение женщин в обществе, порассуждать о «женском вопросе», философски оценить женскую судьбу в целом. С другой стороны, различные модификации «сентиментальных сюжетов» как устойчивого компонента «сентиментального канона» травелога отражают специфику авторской установки в повествовательной структуре текста путешественницы: от попытки провести аналогию с собственной судьбой (увидеть себя героиней сентиментального сюжета) до иронии и самоиронии (желании намеренно дистанцироваться от шаблона, оценить свою индивидуальность, понять несостоятельность канона в новой парадигме восприятия действительности).

Список литературы

Белецкий А. Тургенев и русские писательницы 30–60-х гг. // Творческий путь Тургенева. Пг.: Сеятель, 1923. С. 141.

Воробьева С. Н. Литературная деятельность М. С. Жуковой: проблематика и поэтика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 20 с.

Вьолле К., Гречаная Е. П. Дневник в России в конце XVIII – первой половине XIX в. как автобиографическая практика // Автобиографическая практика в России и во Франции: Сб. ст. / Под ред. К. Вьолле и Е. Гречаной. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 57–111.

Гречаная Е. П. Путевой дневник как форма самосознания // Романтизм: вечное странствие. М.: Наука, 2005. С. 307–321.

Медведева Т. В. «Депеизация» по-русски: путешествия по Европе в мемуарном наследии Д. Н. Свербеева (1799–1874) // Русский травелог XVIII–XX веков: Коллективная монография / Под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 28–47.

Михайлова Е. Н. Женское литературное творчество в России XIX века // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 8. С. 126–127.

Пензина О. В. Женская проза второй половины XIX века: гендерный аспект авторства: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 177 с.

Попова М. Ю. Феномен женской прозы в русской литературе 1840–1860-х годов: проблемы изучения // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: Сб. ст. молодых ученых. Екатеринбург, 2020. Вып. 3. С. 26–30.

Проценко Е. Г. Литература «путешествий» в России в 1840–1850-е годы: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 220 с.

Русская литература XIX века в гендерном измерении: опыт коллективного исследования. Тверь: Лилия Принт, 2004. 161 с.

Савкина И. Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века). Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1998. 223 с.

Савкина И. Л. Разговоры с зеркалом и зазеркальем. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: НЛЮ, 2007. 416 с.

Calabrese R. “We geme möchte ich einen neuen Ausdruck dazu erschaffen”: Tagebuchliteratur von Frauen // Deutsche Literatur von Frauen, zweiter Band 19. und 20. Jahrhundert / Hrsg. von Gisela Brinker-Gabler. München: Verlag C. H. Beck, 1988. S. 13.

Список источников

Жукова М. Очерки Южной Франции и Ниццы. Из дорожных записок 1840 и 1842 годов. Ч. 1–2. СПб., 1844. 318 с.

Отрывки из писем одной дамы, о Ревеле // Сын Отечества. 1828. № 19, ч. 121–3. С. 191–236; № 20, ч. 121–3. С. 281–317.

Свербеева Е. А. Дневник Екатерины Свербеевой за 1833 год // Долгова С. Р. Дневник Екатерины Свербеевой за 1833 год. М.: Мануфактура, 1999. 46 с.

References

Beletsky A. Turgenev and Russian women writers of the 30–60s // Turgenev’s creative path. Petrograd, Seyatel’ Publ., 1923, 141 p. (in Russ.)

Calabrese R. “We geme möchte ich einen neuen Ausdruck dazu erschaffen”: Tagebuchliteratur von Frauen. In: Deutsche Literatur von Frauen, zweiter Band 19. und 20. Jahrhundert. Hrsg. von Gisela Brinker-Gabler. München, Verlag C. H. Beck, 1988, S. 13.

Grechanaya E. P. Travel diary as a form of self-awareness. In: Romanticism: eternal journey. Moscow, Nauka, 2005, pp. 307–321. (in Russ.)

Medvedeva T. V. "Depeization": Travels through Europe in the memoir legacy of D. N. Sverbeev (1799–1874). In: Pecherskaya T. I. (ed.). Russian travelogue of the 18th – 20th centuries. A collective monograph. Novosibirsk, NSPU Press, 2015, pp. 28–47. (in Russ.)

Mikhailova E. N. Women's literary creativity in Russia of the 19th century // International Journal of Experimental Education, 2011, no. 8, pp. 126–127. (in Russ.)

Penzina O. V. Women's prose of the second half of the 19th century: the gender aspect of authorship. Cand. of Philol. Sci. Diss. Moscow, 2009, 177 p. (in Russ.)

Popova M. Yu. The phenomenon of women's prose in Russian literature of the 1840s and 1860s: problems of study. In: INITIUM. Fiction: the experience of modern reading: a collection of articles by young scientists. Ekaterinburg, 2020, iss. 3, pp. 26–30. (in Russ.)

Protsenko E. G. The literature of "travel" in Russia in the 1840s and 1850s. Cand. of Philol. Sci. Diss. Leningrad, 1984, 220 p. (in Russ.)

Russian literature of the 19th century in the gender dimension: the experience of collective research. Tver, Lilia Print, 2004, 161 p. (in Russ.)

Savkina I. L. Conversations with a mirror and through the looking glass. Auto-documentary women's texts in Russian literature of the first half of the 19th century. Moscow, New Literary Review, 2007, 416 p. (in Russ.)

Savkina I. L. Provincial girls of Russian literature (women's prose of the 30–40s of the 19th century). Wilhelmshorst, Verlag F. K. Gopfert, 1998, 223 p. (in Russ.)

Viollet K., Grechanaya E. P. The diary in Russia at the end of the 18th – the first half of the 19th century as an autobiographical practice. In: Viollet K., Grechanaya E. P. (eds.). Autobiographical practice in Russia and France. Collection of articles. Moscow, IWL RAS, 2006, pp. 57–111. (in Russ.)

Vorobyova S. N. Literary activity of M. S. Zhukova: problematics and poetics. Abstract of Cand. of Philol. Sci. Diss. Tver, 2006, 20 p. (in Russ.)

List of sources

Excerpts from the letters of a lady about Revel. *Son of the Fatherland*, 1828, no. 19, ch. 121-3, pp. 19–236; no. 20, ch. 121-3, pp. 281–317. (in Russ.)

Sverbeeva E. A. Ekaterina Sverbeeva's diary for 1833. In: Dolgova S. R. Ekaterina Sverbeeva's diary for 1833. Moscow, Manufaktura Publ., 1999, 46 p. (in Russ.)

Zhukova M. Essays on Southern France and Nice. From travel notes of 1840 and 1842. Parts 1–2. St. Petersburg, 1844, 318 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Владимировна Константинова, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Natalia V. Konstantinova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 22.03.2025;

одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 28.03.2025

The article was submitted on 22.03.2025;

approved after reviewing on 28.03.2025; accepted for publication on 28.03.2025